

Кошкарев Е., Вырышаев В. Что случилось со снежным барсом после распада СССР?
// Журнал «Охрана дикой природы», 2000. № 4 (19). Стр. 72.

Почему именно последнее десятилетие в бывшем СССР оказалось по отношению к природе самым варварским и самым жестоким во всем столетии? Почему именно в 90-е годы, когда в охрану природы бывшего СССР были сделаны самые крупные в его истории вложения международных фондов, разрушение пошло самыми быстрыми темпами? Почему сотни природоохранных проектов, сотни природоохранных организаций, и около сотни новых охраняемых территорий, появившиеся в те же 90-е годы, это разрушение не прекратили? И что остановит браконьерство, грозящее сегодня ирбису полным истреблением? Свои ответы на эти вопросы дают авторы статьи, анализируя состояние популяции снежного барса.

В бывшем СССР основная часть популяции ирбиса была сосредоточена в Киргизии и Таджикистане. В 80-х годах в обеих республиках насчитывалось как минимум 1200—1400 животных — 75% всего поголовья вида в бывшем Союзе, или 15% — на всем ареале; в Казахстане — 180—200, в Узбекистане — около 100, в России — 150—200. Численность и ареал вида повсеместно сокращались. Потери только из-за нелегальной охоты и только в Киргизии в 60-80-х годах достигали не менее 30 животных в год. Популяция за это время уменьшилась здесь наполовину, ареал — на треть.

С распадом Союза нелегальная охота на ирбиса и его жертвы возросла минимум в 3—4 раза. Невыплата с 1992—1993 гг. зарплаты в сельской местности, резко подскочивший спрос на сырье для китайской медицины, свобода «черного рынка» привлекли повышенное внимание к **снежному барсу**, горному барану, горному козлу, кабарге, сурку (серому, монгольскому, черношапочному и др.) и другим животным. Их добывали сотнями, тысячами и десятками тысяч. Размах браконьерства стал беспрецедентным. Снежных барсов в Средней Азии убивали даже в зоопарках; объявления о продаже шкур и живых зверей печатались в газетах; в АН Киргизии рассказывали случаи, когда беременную самку предлагали продать по телефону. Правительство Таджикистана официально разрешило охоту на снежного барса по лицензиям. Контрабандный сбыт шкур и трупов ирбиса через границы среднеазиатских республик и Казахстана открылся в Китай.

В 1995 году, в дни празднования 1000-летия народного эпоса «Манас», на выставках районов в Киргизии демонстрировалось около 200 (!) шкур снежных барсов (данные очевидцев, пожелавших остаться неизвестными). Все текущее десятилетие шкуры и живые ирбисы в Киргизии, Казахстане, Таджикистане были обычным подарком на всех правительственных и административных уровнях. Шубы из снежного барса дарили: президент Киргизии — президенту Казахстана, президент Казахстана — королю Испании; живых барсят подарили в Киргизии Дэн Сяопину. Поэтому неудивительно, что, когда в 1999 году мы провели контрольное обследование 5 лучших участков обитания ирбиса в Киргизии и Казахстане, свежие следы животных встретили только на одном из них. В заповеднике «Сарычат-Ирташ» — также лучшем для сохранения ирбиса в Киргизии — этот зверь был поголовно выловлен егерями через 3—4 года после открытия заповедника. В июне 1999 года мы не нашли здесь ни одного свежего следа, но зато нашли 5 капканов на снежного барса. При повторном обследовании в декабре нашли еще 1 капкан, но опять — ни одного следа.

По ориентировочным подсчетам группы NABU, развернувшей противобраконьерскую кампанию в Киргизии, плотность ирбиса в 90-е годы в Прииссыскулье упала в 5, на Киргизском хребте — в 10 раз.

Полные потери популяции ирбиса в 90-е годы неизвестны. Наибольший урон несет, по-видимому, Киргизия, где охота на ирбиса испокон века была традиционной (надо

вспомнить, что наибольшее число ирбисов для зоопарков мира было отловлено именно в Киргизии), и традиция эта жива до сих пор. При уровне браконьерства, возросшем в Киргизии после распада Союза не менее, чем в 3—4 раза, потери киргизской популяции должны были составлять 90—120 взрослых животных ежегодно. Еще столько же — потери сеголетов, которые после гибели матери, как правило, не выживают.

Расчеты потерь сеголетов сделаны нами на основе двух цифр: наиболее типичной величины выводка в 2 котенка и устойчивого соотношения полов животных 1:1. Если опираться на эти цифры, половину из 90—120 взрослых ирбисов составят самцы, половину самки и 90—120 — их ежегодный приплод. Даже если число котят при наших расчетах завышено вдвое (исходя из того, что в природе самка рождает не каждый год), ежегодные потери ирбиса в Киргизии все равно не могут быть меньше 135—180 снежных барсов — четверти всего поголовья! Это в 2 раза больше, чем в Монголии, где численность популяции почти десятикратно выше.

Такой высокий уровень браконьерства мог сохраняться в Киргизии только в 1993—1996 гг., когда численность ирбиса также оставалась еще высокой. Затем произошел катастрофический спад. Популяция приблизилась к порогу, которого никогда не наблюдали до распада СССР, не предполагали и после. Наша оценка сокращения киргизской популяции в 90-е годы — три четверти прежнего поголовья или 500—600 животных! То, что осталось сегодня, вряд ли превышает 150—200 особей. Популяция практически уничтожена. Если в других республиках Средней Азии, Казахстане и России ситуация близка к той, что наблюдается в Киргизии, значит, речь идет об истреблении не менее половины популяции. Число снежных барсов, оставшихся сегодня в бывшем Союзе, мы оцениваем не выше 700-900 особей.

До распада Союза, когда масштабы коррупции, безработицы и «черного рынка» были ограничены, ограниченным было и браконьерство. Оно служило только дополнительным заработком и поэтому позволяло выживать и людям, и животным. После распада Союза коррупция и безработица стали явлением повсеместным. Именно они превратили страну в сплошной «черный рынок», а браконьерство и посредничество в сбыте товара — в единственный заработок для многих жителей не только в сельской местности, но и в городах. Ничем другим невозможно объяснить появление 200 шкур ирбиса на празднике Манас в 1995 году, массовый сбыт медицинского сырья из снежного барса на китайский рынок в 90-е годы и отсутствие зверей в лучших местообитаниях Киргизии и Казахстана в 1999 году.

Сквозь призму коррупции, безработицы и «черного рынка» не кажется удивительным, что миллионные вложения международных фондов не смогли поддержать охрану природы в бывшем Союзе так, как ожидалось. В этих условиях природоохранные доллары и природоохранные программы действовали преимущественно в стенах природоохранных кабинетов и поэтому поддерживали в первую очередь не природу, а ту же коррупцию, ту же безработицу и тот же «черный рынок».

Вместе с тем на мрачном фоне 90-х годов заметны изменения и в лучшую сторону. Их легче понимать на примере частных и государственных организаций в той же Киргизии, где кризис сегодня наиболее глубокий. Это частная канадская золотопромышленная компания Kumtor Operating Company (филиал «Самесо»), государственный заповедник «Сарычат-Ирташ», частные валютные охотхозяйства «Эмегень» и «Кайнар», президентский (фактически также частный) охотничий заказник «Кегеты». «Kumtor Operating Company» и Сарычат-Ирташский заповедник. В 1993 году, когда заповедник еще не открыли, а компания только разворачивала работу, против нее поднялась волна громких протестов общественных и экологических организаций. Не последнюю роль — из-за возможного браконьерства на территории будущего заповедника. Чтобы избежать даже слухов о возможном браконьерстве, каждое руководство сделало первый шаг. Оно полностью запретило не только использование в

Кумторе — в районе работы — какое-либо оружия, но и его ношение. Таким же образом запретило появление в Кумторе посторонних лиц. В итоге у западных границ заповедника уже за два года до его создания (!) появился такой надежный заслон и гигантская буферная зона кв. км!), которые никогда никакому заповеднику в Киргизии даже не снились. Совершенно противоположные события развивались на южных границах, где находятся лучшие местообитания снежного барса и где до создания заповедника хозяином был колхоз. Все годы советской власти чабаны пасли здесь колхозный скот и нелегально ловили снежного барса, который и давал им тот самый дополнительный заработок.

С распадом СССР распались и колхозы. Чабаны перешли на работу в заповедник. И заработок, который в колхозе был дополнительным и поддерживал их долгие годы, в заповеднике оказался единственным. Люди продержались на нем всего 3—4 года, потому что за это время снежный барс был уничтожен.

Ежемесячная зарплата рабочих в «Kumtor Operating Company» — \$200—300. За эти деньги рабочие о нелегальной охоте предпочитают даже не думать. Терять свое место и зарплату из-за нарушения правил компании им нет никакого смысла. \$6—8, которые должны платить в государственном заповеднике, егеря не получают ни ежемесячно, ни ежегодно. Даже этой нищенской подачки в заповеднике нет. Поэтому егеря не думать о браконьерстве не могут. Шкура ирбиса в их положении — единственный выход, и у нас нет никакого права обвинять этих людей в желании выжить ни с точки зрения морали, ни с точки зрения закона.

Приблизительно те же \$200—300 получают рабочие в частных валютных охотхозяйствах. Мы обследовали их в мае и ноябре 1999 года, и результат всюду был одним и тем же: свежие следы ирбиса встречались там, где им положено встречаться. Плотность горного барана и горного козла — главных объектов валютных охот, была 10-кратно выше (!), чем в заповеднике «Сарычат-Ирташ». Бежать из частного валютного охотхозяйства в государственный заповедник не собирались ни люди, ни животные.

Такой же райский уголок, как по соседству с канадской компанией и в частных охотхозяйствах, создан на Киргизском хребте — в специальном президентском заказнике «Кегеты». За короткое время после открытия заказника на его территории были восстановлены ранее почти уничтоженные серый сурок, снежный барс, резко поднялась численность горного козла. Размер зарплаты рабочих в заказнике нам неизвестен. Но нет никакого сомнения в том, что егеря, охраняющие заказник, предпочитают за свою зарплату точно так же не думать о браконьерстве, как это делают рабочие канадской компании «Kumtor Operating Company» и валютных охотхозяйств «Эмегель» и «Кайнар».

Вот маленькая правда о снежном барсе и маленькая модель выработки мер по его спасению. Нам кажется, если завтра хотя бы десятки западных и местных фирм, фондов, организаций начнут действовать в бывшем Союзе так, как действуют сегодня в Киргизии «Kumtor Operating Company», «Эмегель» и «Кегеты», ситуация не может не измениться в лучшую сторону. При желании правительства она изменится десятикратно быстрее без пустых слов и ложных проектов, которые сегодня кормят преимущественно тех, кто их придумал.

What Has Happened to the Snow Leopard After the Break-Up of Soviet Union?

Evgeniy Koshkarev, member of the Conservation Advisory Board of the
International Snow Leopard Trust

Vitaly Vyrypaev, member of Asia-Irbis, International Research Group

(this research was supported by Kathleen Braden, Valerie Trueblood, Bonnie and Dick Robbins (USA), Sacred Earth Network (USA), NABU (Germany)).

Translated by Glenn Corey

The former Soviet Union's snow leopard population was concentrated largely in Kyrgyzstan and Tadzhikistan (fig). The total number of snow leopard in both republics in the 1980's was at least 1200-1400. This represented 75% of the entire species in the Soviet Union, or 15% in the entire natural habitat; in Kazakhstan the snow leopard population totaled 180-200, in Uzbekistan around 100, and in Russia 150-200 (Red Data Book of the SSSR, 1984; Green, 1988; Koshkarev, 1989; Fox, 1994; Koshkarev, Smirnov, Zyryanov, 1995). The number and natural habitat of the species were in universal decline. Losses in Kyrgyzstan from poaching alone were no less than 30 animals per year from the 1960's through the 1980's. During this period the population in this area decreased by half, and the natural habitat by one third (Koshkarev, 1992).

With the break-up of the Soviet Union, poaching of the snow leopard and its pray grew by at least a factor of 3-4 (Koshkarev, 1994). The failure to pay salaries and wages from 1992-93 in rural areas, a dramatic increase in the demand for raw materials for Chinese medicine, and the freedom of the black market led to an increased focus of attention on the **snow leopard**, mountain sheep (*Ovis ammon karelini*, *O.a.polii*, etc), the ibex (*Capra sibirica*), the musk deer (*Moschus moschiferus*), the marmot - gray, mongolian, black hooded, et al. (*Marmota baibacina*, *M.sibirica*, *M.camtschatica*, etc.), and other animals. They were caught by the hundreds, thousands, and tens of thousands. Poaching reached unprecedented levels. Snow leopard in Central Asia were killed even in zoos, announcements about the sale of pelts and live animals were published in newspapers, and in the Kyrgyz Academy of Sciences a story circulated that a pregnant female had been offered for sale by telephone. The government of Tadzhikistan officially granted licenses for hunting snow leopard. Snow leopard pelts and corpses started to be smuggled into China across the border of the Central Asia republics (Cunha, 1997; Conservation Challenges, 1999; NABU, personal correspondence).

In 1995 in Kyrgyzstan, during the celebration of the 1000-year anniversary of the People's Age of Manas, regional exhibitions displayed close to 200 (!) snow leopard pelts (eyewitness accounts). Throughout the present decade, pelts and live snow leopard have been common gifts in Kyrgyzstan, Kazakhstan, and Tadzhikistan at all government and administrative levels. Snow leopard coats were given as gift from the president of Kyrgyzstan to the president of Kazakhstan and from the president of Kazakhstan to the king of Spain, and live snow leopard cubs were given in Kyrgyzstan to Deng Xiao Ping. Therefore, it is not surprising that when we conducted a controlled inspection of the five best snow leopard habitat areas in Kyrgyzstan and Kazakhstan (fig.) in May-June, and November-December 1999, fresh tracks of the animals were found in only one of them! In Sarychat-Irtash reserve, which is also the best habitat in Kyrgyzstan for preserving the snow leopard, this animal was absolutely trapped out by rangers within 3-4 years after the opening of the reserve. In June of 1999 we did not find here one fresh set of tracks, but we did find five traps set out for snow leopard. When we repeated the research in December, we found an additional trap, but again- not one set of tracks.

According to the approximate account of the anti-poaching squad founded by NABU in Kirgizstan, the density of snow leopard in the 1990s in the Issyk-Kul region fell five times; in Kyrgyz Mountains, ten times (personal correspondence).

Total losses to the snow leopard population in the 1990's are unknown. Kyrgyzstan has apparently inflicted the most casualties. Hunting for snow leopard has been a tradition since time immemorial (remember that most snow leopard in the world's zoos were caught in Kyrgyzstan), and this tradition continues to this day. Given the level of poaching, which grew in Kyrgyzstan by no less than 3-4 times after the break-up of the Soviet Union, the annual losses of the Kyrgyz population

must have been around 90-120 adult animals. Newborn cubs, which generally don't survive the death of the mother, suffered similar losses (Koshkarev, 1985).

We calculated the losses of litters born in a given year on the basis of two figures: the most typical size of a litter was two cats, and the gender of the animals was in a strict ratio of 1:1 (Blomquist, 1980; Koshkarev, Kuz'minykh, 1988 ы generalized information for entire natural habitat). If these figures are used, males comprise half of the 90-120 adult snow leopards, female comprise the other half, and their annual increase is 90-120. Even if the actual number of cats is half as much as our calculation indicate (taking into consideration the fact that in nature females do not produce offspring every year), the annual losses of snow leopards in Kyrgyzstan can nonetheless be no less than 135-180, or one fourth of the entire population! That is two times more than in Mongolia, where the population is almost ten times higher (McCarthy, 1999).

Such a high poaching rate could be maintained in Kyrgyzstan only in the years 1993-96, when the snow leopard population was still high. Then a catastrophic decline occurred. The population approached a threshold that had never been observed before the break-up of the Soviet Union and was never imagined after. We estimate that the Kyrgyz snow leopard population in the 1990's was reduced by three quarters of its previous level (i.e., reduced by 500-600 animals). The population that remains today can barely be more than 150-200 individual snow leopards. The population has been physically decimated.

If the situation in other Central Asia republics and Russia is close to that observed in Kyrgyzstan, then we are talking about the destruction of no less than half the population. We estimate that the number of snow leopard in existence today in the former Soviet Union does not exceed 700-900 individual animals.

Why was it that the most decade of the former Soviet Union's existence has turned out, with respect to nature, to be the most barbaric and the cruelest of the entire century? Why did the 1990's witness the fastest rate of destruction of nature, at a time when investment by international funds in environmental protection in the Soviet Union was at its highest historical levels (Nasser, Piatina, 1995; Mikhailenko, 1997; Stepanitsky, 1997)? Why was the destruction not halted by the almost one hundred new nature preserves that cropped up in that same period? And what will stop the poaching, which threatens the snow leopard today with complete destruction?

If we compare the present situation with the past, we see that before the break-up of the Soviet Union, when the scale of corruption, unemployment, and the black market were restricted, poaching was restricted as well. It provided only supplemental income and therefore allowed both people and animals to survive. After the break-up of the Soviet Union, corruption and unemployment become ubiquitous (CITES Mission, 1999). It was corruption and unemployment that turned the country into one huge black market, and made poaching and mediation in the sale of goods the only source of income for many inhabitants, of urban as well as rural locations. There is no other way to explain the appearance of 200 snow leopard pelts at the Manas holidays in 1995, the massive sale to the Chinese market of medical raw materials made from the snow leopard in the 1990s, and the absence in 1999 of the wild animals in the best habitat areas in Kyrgyzstan and Kazakhstan.

If we look through the prism of corruption, unemployment, and the black market, we should not be surprised that, contrary to expectations, the millions invested by international funds could not support environmental protection in the Soviet Union. In this condition, dollars earmarked for environmental protection and programs were effective primarily within the walls of environmental protection offices, and therefore supported not nature, but the very same corruption, unemployment, and black market.

Despite the gloomy picture of the 1990's, the situation has changed for the better. This fact is easier to understand through examples of private versus state-run organizations in Kyrgyzstan itself where the crisis today is the most serious. These include a private Canadian gold mining company, the Kumtor Operating Company (subsidiary of Cameco); a state reserve, Sarychat-Irtash; private currency hunting area called Emegen' and Kainar; and a presidential (in reality also private) game reserve, Kegety.

Kumtor Operating Company and the Sarychat-Irtash reserve are neighbors (fig., biggest rectangle). In 1993, when the reserve had not yet opened and the company was just beginning operations, social and environmental organizations raised a wave of loud protests, not least because of potential poaching on the lands of the future reserve. In order to avoid even rumors about possible poaching, the Canadian leadership made a very wise move. It completely banned not only the use, but even the carrying of weapons of any sort in Kumtor's work area. Thus, outsiders were banned from even appearing in Kumtor. As a result, the kind of reliable barrier undreamt of by any reserve in Kyrgyzstan appeared along the western border of the reserve two years before its creation!

Events of a completely different nature were taking place on the southern borders, where the best habitats for the snow leopard are found and where, until the creation of the reserve, the collective farm was the owner. During all the years of Soviet rule, the collective farm shepherds grazed their cattle there and illegally trapped snow leopards, which was their main source of supplemental income.

With the break-up of Soviet Union, the collective farms collapsed. The shepherds went to work in the reserve. What had once been supplemental income on the collective farm and had supported them for so many years in the reserve became their only source of income. People lasted only three-four years on that income, because after this time the snow leopard had been decimated.

The monthly salary of workers in Kumtor Operating Company is \$200-\$300. For that kind of money workers prefer not even to consider poaching. It would be senseless for them to lose their jobs and earnings for violating company rules. In the reserve, however, the rangers don't receive, either on a monthly or yearly basis, the \$6-8 that should be paid to them. The reserve has no money. Therefore, despite the laws, the rangers are forced to consider poaching. For someone in their situation, a snow leopard's pelt represents the only way out, and we no right to accuse these people for violating the law and wishing to survive.

Workers on the private foreign-currency hunting area receive approximately the same \$200-\$300. We inspected them in May and November of 1999 and the result was the same everywhere: fresh snow leopard tracks were found wherever they were expected to be found. The density of mountain sheep and ibex populations is the main objects of the foreign-currency hunts is 10 times higher (!) than in the Sarychat-Irtash reserve. Neither people nor animals were about to run from the private foreign-currency hunting area to the state reserve.

Such a slice of heaven as that found near the Canadian company and in the private foreign-currency hunting area was created in a special presidential reserve called Kegety in the Kyrgyz Mountains. Shortly after the reserve was opened, the gray marmot, which had previously almost been destroyed, and the snow leopard were introduced on its lands, and the number of mountain goats rose sharply. We don't know how much the workers on the reserve earn. But there is no doubt that the rangers who guard the reserve do not prefer poaching as a source of income, and the same may be said of the workers of the Canadian company Kumtor Operating Company and workers from foreign-currency hunting area Emegen' and Kainar.

So here's a little truth about the snow leopard and a little model for saving it. We believe that if tomorrow just one tenth of Western and local companies, funds, and organizations were to begin acting in the former Soviet Union the same way the Kumtor Operating Company, Emegen', Kainar, and Kegety are acting today in Kyrgyzstan, the situation would necessarily change for the better. If the government so desired, the situation would change ten times faster, without the empty words and sham projects that today help primarily to feed those who conceived them.

Literature:

Blomquist L., 1980. *The 1980 Annual Report of the Captive Snow Leopard (Panthera uncia) Population and a review at the Breeding Results During the 1970's*. Helsinki Zoo, annual report, pp. 32-50.

CITES Mission to Tiger Range and Consumer Countries, 1999. Cat News, bulletin of IUCN, No. 31, Autumn, pp.5-8.

Conservation Challenges, 1999. Snow Leopard News, Summer/Fall, p.1.

Cunha F.Stephen, 1997. *Hunting of Rare and Endangered Fauna in the Mountains of Post-Soviet Central Asia*. Proceedings of the Eighth International Snow Leopard Symposium, Islamabad, Pakistan (November 12-16, 1995), pp.110-120.

Fox L.Joseph, 1994. *Snow Leopard Conservation in the Wild - a Comprehensive Perspective on a Low Density and Highly Fragmented Population*. Proceedings of the Seventh International Snow Leopard Symposium, China, pp.3-15.

Green J.B.Michael, 1988. *Protected Areas and Snow Leopards: Their Distribution and Status*. Proceedings of the Fifth International Snow Leopard Symposium, India, pp.3-19. *Krasnaya Kniga SSSR*, 1984. M., Lesnaya promyshlennost', 390 p. (Russian).

Koshkarev E., 1985. *Snezhnyi Bars v Kirgizii*, Ockhota I okhotnich'e khozyaistvo, No. 11, pp.17-18 (Russian)

Koshkarev E.P., Kuz'minykh I.A., 1988. *Prichiny Izmeneniya Chislennosti Snezhnogo Barsa I Otsenka Ego Populyatsii v Prirode I v Nevole*, Ecologicheskie issledovaniya bioty ekosistem Severnoi Kirgizii, Frunze, Ilim, pp.95-124 (Russian).

Koshkarev E.P., 1989. *Snezhnyi bars v Kirgizii (structura areala, ekologiya, ohrana)*. Frunze, Ilim, 100 p. (Russian).

Koshkarev E.P., 1992. *Ecologo-Geograficheskie Osnovy Ustoichivosti Populyatsionnykh Gruppyrovok Krupnykh Mlekopitayushchikh Tyan'-Shanya*, kandidatskaya dissertatsiya, M., MGU, 158 p.(Russian).

Koshkarev E., 1994. *Poaching in the Former USSR*. Snow Line, bulletin of Int.Snow Leopard Trust, vol.XII, No. 2, pp.6-7.

Koshkarev E.P., Smirnov M.N., Zyryanov A.N., 1995. *Irbis ili snezhnyi bars*. Materialy dlya novogo vypuska Krasnoi knigi Rossii, rukopis'(Russian).

McCarthy, Thomas, 1999. Snow Leopard Conservation Plan. Republic of Mongolia.

Mikhalenko Elena, 1997. *Update on the Biodiversity Conservation Project*. Russian Conservation News, No. 10, Winter, p.19.

Nasser Christine M., and Piatina Tatiana B., 1995. *Financing of Biodiversity Conservation in the Russian Federation*. Russian Conservation News, No. 3, May, pp.23-25.

Stepanitski Vsevolod, 1997. *Financing Russian Zapovedniki in 1996*. Russian Conservation News, No. 12, Summer, pp.30-31.